

ПАЛЬМИН, Лиодор (Илиодор) Иванович [15(27).V.1841, Ярославская губ. -- 26.X(7.XI). 1891. Москва] -- поэт, переводчик. Происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода. Отец, отставной офицер, воспитанник Московского университета, в 20--30 гг. был близок кружку А. Ф. Воейкова, сам писал и печатал стихи и рано познакомил сына с классической российской литературой, в том числе с поэзией романтизированного классицизма первой трети XIX в. Таким образом, П. с детства воспринял традиции риторической хвалы и "разумной", упорядоченной сатиры. Детские впечатления явились основой ("жреческих" представлений П. о литературе, сохранившихся на всю жизнь.

В 1856 г., после смерти отца, П. был определен на казенный кошт в третью петербургскую гимназию, по окончании ее поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1861 г. принимал участие в студенческих волнениях, был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, о чем с содроганием вспоминал много лет спустя ("Крепость" // Осколки.-- 1882.-- Но 20). После освобождения исключен из университета, пытался устроиться на службу (в адресную экспедицию), безуспешно хлопотал об издании журнала и в конце концов занялся поденной литературной работой.

Дебютировал в 1859 г. переводом с французского в журнале для девушек "Лучи", издававшемся известной детской писательницей А. О. Ишимовой. В 1860--1862 гг. публиковал стихи в журналах "Век" П. И. Вейнберга и "Библиотеке для чтения" А. Ф. Писемского; в середине 60 гг. выступал в ряде демократических изданий ("Будильник", "Дело", "Женский вестник" и др.). Сблизившись с В. С. Курочкиным, в 1863--1868 гг. был одним из активнейших сотрудников журнала "Искра", своей главной идейной и эстетической школы. Впоследствии П. с нежностью говорил о "добром руководстве, советах и нравственном влиянии" редактора "Искры", о его "литературно-гражданских уроках", способствовавших сохранению "честного направления" поэзии П.

Придерживаясь в достаточной мере абстрактных общедемократических взглядов и аморфной политической позиции, П. тем не менее всегда восхищался подвижничеством, воспевал героизм борцов за свободу ("Свидание", 1865; "Вечное бытие", 1867), темпераментно обличал половинчатость "великих реформ" 60 гг. ("Обыкновенные песни"), общественную апатию ("Волшебные звуки таинственных струн...", 1865), трусость и беспринципность либералов ("Смотри, как мы мелки, ничтожны, точь-в-точь / Писателей русских идеи... / Хоть мы просветители, все же не прочь / Порой поступить и в лакеи..." -- "Тетушка полночь", 1866). Наибольшую известность получило стихотворение "Реквием" ("Не плачьте над трупами павших борцов..." // Искра.-- 1865.-- Но 11), ставшее популярной революционной песней.

Идейно-творческое содружество "искровцев" определило основные особенности поэзии П.: сочетание страдальчески-гражданского пафоса школы Н. А. Некрасова и индивидуалистической "вольной насмешки", восходящей к традициям Г. Гейне, манеру "возвышенного" отклика на злобу дня. Эта позиция способствовала укреплению твердой уверенности П. в неподвластности истинной поэзии условиям суетливой литературной повседневности: до конца жизни П. был убежден в независимости Поэта от политического облика органов, в которых он выступает. Это позволило П. уже в 60 гг. публиковать стихи во враждебных "Искре" реакционных "Занозе" Розенгейма и "Литературной библиотеке" Богушевича, а в 70--80 гг. сотрудничать буквально во всех изданиях ("Русская мысль", "Стрекоза", "Наблюдатель", "Развлечение", "Осколки", "Всемирная иллюстрация" и др.), не чураясь и бульварных, типа "Московского листка". Однако такая всеядность, в немалой мере обусловленная "суетой гоньбы за хлебом", не повредила репутации поэта: всюду выступал обличитель "балагана, рынка и харчевни", верный рыцарь "храма литературы, храма святого и древнего" ("Опозоренный храм", 1877). Верность себе определила и широкую популярность П. в 70 гг.: по свидетельству А. П. Чехова, он принадлежал к "тем, коим молятся в Таганроге" (Чехов А. П. Письма.-- Т. 1.-- С. 49).

В 70--80 гг. П. занимает позицию хранителя и пропагандиста заветов революционно-демократической поэзии 60 гг.: постоянно критикует "век тупой, дешевый, меркантильный", "всесильный эгоизм толпы", противостоять которым способен лишь Поэт ("Памяти Некрасова", 1878), бичует приспособленчество современников, в том числе и литераторов ("Тенденций гречневая каша, / Патриотизма кислый квас... / Вот, вот она, словесность наша, / Вот журналистика у нас"-- "Журналистика", 1882); воспевае тех, "кто доблестно стяжал / Венец мучительно-терновый", кто "не изменил себе, не угасил... в сердце пламя" ("Кто погиб?", 1882). Считая поэзию сильным средством воспитания, П. широко использовал такие общепонятные и легко воспринимаемые формы, как аллегорическая сказка, басня, стихотворный фельетон, нередко "под маской шуточной невинного куплета" (наиболее удачный "куплетный" фельетон -- "Михей и филантропы", 1878). Однако критика действительности у П. обычно не возвышается до сатиры, оставаясь на уровне более или менее острого намека или воплощаясь в декларативном монологе с многочисленными стилистическими клише и мифологическими образами.

В 80 гг. в лирике П. усиливаются мотивы тоски и утомления, поэт все чаще объясняет читателю причины бессилия своей "слабой и чахлой песни" ("Из зимних песен", 1882), все резче (вплоть до